

18+

ВЛАДА КАЛИНИНА

Сквозь завесу жизней

КНИГА ПЕРЕРОЖДЕНИЙ: ИСТОРИИ,
КОТОРЫЕ ЛЕЧАТ ДУШУ

Влада Калинина

**Сквозь завесу жизни.
Книга перерождений:
Истории, которые лечат душу**

«Издательские решения»

Калинина В.

Сквозь завесу жизней. Книга перерождений: Истории, которые лечат душу / В. Калинина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-689772-4

Реальные истории людей, заглянувших в свои прошлые жизни через регрессию. Они искали истоки страхов, болезней и странных влечений. Что, если ключ к настоящему — в далеком прошлом, которое помнит ваша душа? Путешествие без готовых ответов, но с шансом на исцеление.

ISBN 978-5-00-689772-4

© Калинина В.
© Издательские решения

Содержание

Последнее, что мне принадлежало	6
Иллюзия правосудия	9
Эхо в вечности	11
Тень твоей любви	12
Последний урок	16
Холодная сделка	20
Вскрытие реальности	22
Мираж счастья	25
Сестрица Милосердия	28
Обет молчания сердца	31
Итог регрессионной сессии для Ревье	35
Каменное Сердце Земли	36
Рай, который стал тюрьмой	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Сквозь завесу жизней Книга перерождений: Истории, которые лечат душу

Влада Калинина

*КНИГА ПЕРЕРОЖДЕНИЙ: ИСТОРИИ, КОТОРЫЕ
ЛЕЧАТ ДУШУ
(Сборник историй для взрослых)*

© Влада Калинина, 2026

ISBN 978-5-0068-9772-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эта книга – собрание удивительных рассказов, рожденных на грани реальности и воображения. Это – сборник жизней.

Перед вами не фэнтези и не мистический вымысел. Это реальные истории реальных людей, которые осмелились заглянуть за завесу собственной памяти. С помощью регрессии в прошлые жизни они отправились в путешествие, чтобы найти ответы на вопросы, которые мучили их сегодня: необъяснимые страхи, внезапные влечения, повторяющиеся ошибки.

Что, если ключ к разгадке ваших самых глубоких страхов лежит не в настоящем, а в далеком прошлом? Прошлом, которое вы не помните, но которое ваша душа хранит как сокровище.

Каждая история в этом сборнике уникальна – как уникален внутренний мир каждого человека. Здесь переплетаются судьбы из разных эпох: любовные драмы и таинственные исчезновения, философские притчи и захватывающие приключения. Одни рассказы заставят вас задуматься о вечном, другие – помогут по-новому взглянуть на собственную жизнь, третьи – просто подарят несколько часов увлекательного чтения.

Регрессия – это мост к нашему подсознанию. Это способ найти истоки многих проблем – от фобий и хронических болезней до повторяющихся неудач, – чтобы, осознав их, наконец-то исцелить и отпустить. Это шанс понять, зачем ваша душа выбрала именно эти уроки.

Мы оставляем за читателем право решать: являются ли эти истории отголосками действительных прошлых воплощений, плодом богатой фантазии или метафорическим языком подсознания. Возможно, истина где-то посередине.

Эта книга – для тех, кто готов отправиться в путешествие сквозь время и пространство, не требуя однозначных ответов. Для тех, кто верит, что человеческая душа – это бесконечная вселенная загадок, а каждая рассказанная история – будь то воспоминание или вымысел – способна исцелить, вдохновить и заставить посмотреть на мир под новым углом.

Приготовьтесь к путешествию, где каждая история – это портал в другой мир. Переверните страницу – и сделайте первый шаг.

Последнее, что мне принадлежало

Все истории имеют начало и конец. У моей – только начало и... остановка. Глухой удар, и тишина, в которой тонет всё. Тишина, которую я выбрала сама.

Меня зовут Хлоя. Мне двенадцать, и я помню, как пахнет солнце. Не то городское, блеклое, а настоящее, летнее, смешанное с ароматом свежескошенной травы и бабушкиных пирогов. Каждое лето меня отправляли в деревню, и это было не наказание, а спасение. Просыпаться от крика петуха, помогать дедушке носить дрова – и он тихонько напевал старые песни. А потом бежать к бабушке в огород, где она учила меня травничеству. Ее пальцы, шершавые от земли, были невероятно нежными, когда она показывала, как отличать подорожник от тысячелистника. «Запомни, внучка, – говорила она, – природа всегда дает шанс на исцеление. Нужно только его увидеть».

Остальное время года – город. Тесная квартирка, вечный запах дешевой тушенки и усталости родителей. Они пропадали на работах с утра до ночи, а я после школы бежала домой, чтобы успеть прибраться, почистить картошку к их приходу. Мы редко виделись, но, когда все же собирались за ужином, папа гладил меня по голове и называл «мой маленький лучик». Мы были бедны, деньги таяли быстрее утренней росы, уходили на какие-то бесконечные долги,

но мы были сшиты вместе любовью – грубой, прочной нитью, которая, как мне казалось, не порвется никогда.

Это «всегда» закончилось в тот день, когда в дверь постучали.

На пороге стоял Чужой. Высокий мужчина с пустыми, как заброшенный колодец, глазами. Его слова обожгли сильнее огня: «Ваша дочь продала ее. Девочка теперь моя».

В тот момент мир будто перевернулся. Я не хотела верить этим словам, и не понимала, что происходит. Бабушка вцепилась в косяк, ее старые пальцы побелели. Ее «Все будет хорошо, родная! Это временно!» прозвучало как приговор. Но я видела – нет, я чувствовала – настоящую правду в ее глазах. Это был взгляд навсегда. Прощания.

Меня потащили за руку, как вещь. Я орала, цеплялась за дверной косяк, за воздух. Бабушка на пороге была последним островком моего уходящего детства. Она смотрела мне в след, ничего не могла поделать, а я смотрела с горьким отчаянием с надеждой, что все это сон. Потом был лес. Он смыкался над нами, как гигантская зеленая пасть, поглощая свет и надежду. Мы шли, пока не уперлись в озеро, черное и неподвижное, как глаз мертвеца. За огромным валуном зияла дверь в землю.

Ад пах не серой. Он пах сыростью, дымом факелов и страхом. Стены подземелья впитывали крики – женские, раздавленные, безысходные. Меня швырнули в каменный мешок. Цепь с лязгом сомкнулась на запястье, холодным поцелуем приковав меня к деревянному кресту. Я осталась одна с молитвой, которая застревала в горле, и с одним вопросом, сверлившим мозг: «ЗА ЧТО?». Предательство матери жгло изнутри больше, чем любая рана.

Скрип двери, пришли Они. Во главе – Он. Существо из кошмаров, где смешались человек и бык. Его копыта стучали по камню, отсчитывая секунды до моего конца. Дыхание, пахшее гниющим мясом, обжигало щеку. Его прикосновения были осквернением, медленным и методичным уничтожением всего, что было «мной».

И это стало началом. Началом бесконечных дней и ночей, слившихся в один долгий, мучительный вопль. Годы стирались в однообразный кошмар. Каждый день был похож на предыдущий: грубые руки, боль, унижение, насилие. Они сменяли друг друга, эти чудовища, но боль была одной и той же – острой, разрывающей, всепоглощающей. Я пыталась убежать в себя, спрятаться в уголках памяти, где еще оставалось солнце, но они всегда возвращали меня грубой реальностью – ударом, ожогом, новым актом жестокости. Мое тело перестало принадлежать мне. Оно стало картой их жестокости, испещренной шрамами, синяками и незаживающими ранами. Они ломали меня снова и снова, пытаясь уничтожить не только плоть, но и дух. Изнасилования, пытки, издевательства – все это смешалось в один сплошной адский день, который длился пятнадцать лет.

Я пыталась сбежать в воспоминания – к солнцу, к бабушкиным травам, к папиной руке на голове. Но образы расплывались, их вытесняли гримасы чудовищ. Они выжгли во мне всё, кроме крошечной, тлеющей искры. И однажды эта искра вспыхнула не страхом, а холодной, беззвучной яростью. Не к демонам – я была бессильна против них. Яростью к тому, кто обменял свою плоть и кровь на деньги. К миру, который позволил этому случиться.

И случилось невозможное. С грохотом, который прозвучал как хор ангелов, цепь на моем запястье, годами подтачиваемая отчаянными рывками, лопнула.

Это была не свобода. Свободу у меня отняли навсегда. Это был шанс. Шанс на последний, единственный оставшийся у меня выбор.

Побег был не бегством, а предсмертным хрипом моего изуродованного тела. Я ползла, карабкалась, падала. Лес, когда-то такой зеленый, теперь был морем теней, хватавших за ноги. Но впереди – свет! Окно домика лесничего. Я била кулаками в дверь, хрипела, умоляла, уже не веря в спасение, но отчаянно цепляясь за призрачный шанс. Они бежали следом за мной.

Дверь открылась. Я ввалилась внутрь, забилась в угол. «Демоны... Они идут! Помогите мне, за мной гоняться» – выдохнула я, глядя на испуганное лицо мужчины. Он схватил ружье. И вовремя – дверь с треском вылетела из петель.

Они вошли. Лесничий был отброшен, как щепка. Их когти впились в меня: «Думала, сбежишь, дрянная девка?»

Я отбивалась, царапала пол, кричала. И в этом хаосе мои пальцы наткнулись на холодное дерево и металл. Ружье.

И тогда я все поняла. Они отняли у меня детство, невинность, веру, будущее. Но оставалось еще кое-что – моя жизнь. И право решить, что с ней сделать.

Они не получат больше ни моего тела, ни моего страха. Ничего.

Прижав ледящее дуло к подбородку, я посмотрела им в глаза. В их взгляде не было гнева – лишь удивление. Они не ожидали, что у разбитой твари может остаться воля.

Это не было поражением. Это была моя первая и последняя настоящая победа. Акт горького, абсолютного самоосвобождения.

Я взвела курок и забрала у них всё, что у меня оставалось.

Эта история – не о монстрах из преисподней. Она о самых страшных чудовищах, которые носят человеческие маски: о предательстве тех, кто должен защищать, и о равнодушии тех, кто мог бы помочь. Это история о том, что даже в кромешной тьме последним актом свободы может быть собственный выбор – как поставить точку.

Девушка пришла на сеанс с запросом «панический страх темноты». Но в процессе выяснилось, что это был не страх неизвестности, а ужас перед конкретной, осязаемой угрозой: в темноте ее могло поджидать Нечто ужасное, что-то, что может убить, причинить невыносимую боль. Это был страх демонов, насилия, чужого вторжения в ее тело и душу. В нынешней жизни этот страх подпитывался реальными историями, где мужчины приставали к ней и пытались брать ее тело без разрешения. После регрессии, в котором она заглянула в источник этой травмы и прожила его, глубинный страх отпустил ее. Она перестала бояться темноты.

А что, по-вашему, страшнее: физическая боль от пыток или невыносимая тяжесть предательства, которое лишает воли к жизни еще до того, как за тебя возьмутся монстры?

Иллюзия правосудия

Афины, V век до нашей эры. Век Перикла, век философии и великих трагедий, запечатанных на свитках, и малых трагедий, что разыгрывались на залитых солнцем площадях. Воздух здесь был пропитан не только запахом моря и оливок, но и сладковатым, тревожным духом состязательности – будь то спор на стадионе или в Народном собрании. Но существовала и иная форма состязания – между палачом и толпой, где ставкой был не лавровый венок, а последний вздох приговоренного.

Его звали Иерон. Он был молодым ликтором, палачом, который приводил в исполнение приговор о смертной казни или телесном наказании, чья власть была столь же сладка, сколь и хрупка. В этот день его гиматий из белейшей шерсти отбрасывал ослепительные блики, а поза была полна неприступного достоинства. Но в глазах цвета темного меда плескалось нечто иное – голодное, хищное оживление.

На площади Агоры, где обычно торговали рыбой и спорили о судьбах города, сколотили деревянный эшафот, помост для совершения смертной казни и для приведения в исполнение публичных наказаний. И сегодня здесь должно было свершиться правосудие. Вернее, его иллюзия, за которой жадно следила толпа.

И вот настал час правосудия, толпа собралась вокруг и замерла в ожидании. На помост привели первую осужденную, по имени Ливия. Ее обвинили в колдовстве и осквернении святынь, но люди шептались, что вина ее лишь в том, что она просто отвергла ухаживания одного из друзей Иерона. Ее черные волосы, распущенные перед казнью, были подобны ночи, павшей на плечи посреди белого дня. Пока грубые солдаты прибивали ее к огромному деревянному колесу, она не кричала. Она смотрела прямо на Иерона, и ее взгляд был острее любого лезвия.

– Иерон! – ее голос прорезал гул толпы, холодный и звенящий, как сталь. – Да будут прокляты ты и весь род твой до седьмого колена! Пусть души твоих потомков метаются в поисках любви, что ты сегодня отверг! Пусть каждое твое будущее воплощение будет одиноким и ущербным, пока не изойдут они слезами раскаяния за мою кровь!

Колесо начали вращать. Хруст костей смешался с нарастающим гулом толпы. Боль, дикая, нечеловеческая, наконец вырвалась из ее груди воплем, от которого стыла кровь. Но Иерон лишь улыбнулся, эти страдания доставляли ему огромное удовольствие, в такие моменты он чувствовал власть. Он наклонился так близко, что чувствовал ее прерывистое дыхание.

– Твои проклятия – лишь шепот для моей судьбы, женщина, – прошипел он, наслаждаясь отражением ее мук в ее же глазах. – Умирай с ними.

Но на этом все не закончилось. После колесования, когда бездыханное, искалеченное тело еще дергалось в последних судорогах, он приказал совершить четвергование. Он сам, ритуально, почти чувственно, провел мечом, опозорив и расчленив его. Алая кровь брызнула на его безупречный гиматий, и он воспринял это как знак власти, своей победы над смертью и над этой женщиной.

Затем привели девочку. Ее звали Элпида – «Надежда». Ей не могло быть больше десяти. Она была дочерью Ливии. Ее маленькое личико было застывшей маской ужаса, а глаза... Боги, эти глаза! Они были огромными, глубокими, как колодцы, и в них не было ни слез, ни страха. Лишь бездонная, всепонимающая печаль и обреченность.

Иерон присел перед ней, заглядывая в эти бездонные колодцы. В его душе что-то дрогнуло, какая-то древняя, забытая струна. Но толпа ревела, требуя зрелища, и это сладкое опьянение властью заглушило тихий голос. Он ласково взял ее за голову, будто собираясь прошептать что-то на ушко.

– Не бойся, ты скоро увидишь свою мать, – сказал он, и лезвие блеснуло по горлу. Крик, который вырвался из его груди после этого, был не просто довольным. Это был триумфальный рев над собственной окаменевшей душой.

Он не просто убивал женщин. Он уничтожал саму жизнь, саму нежность, саму возможность любви. И проклятие Ливии, подхваченное последним вздохом Элпиды, не было просто словами. Оно стало живой, черной нитью, вплетенной в саму ткань его бессмертной души.

Эхо в вечности

Проклятие работало безотказно. Воплощение за воплощением. Римский легионер, чья семья вымерла от чумы. Средневековый рыцарь, чей род пресекся на нем из-за рокового ранения. Купец XIX века, чьи предприятия неизменно прогорали, а невесты бросали его у алтаря. Он был всегда одинок, всегда несчастен, всегда с ощущением фатального изъяна, червоточины в самой основе бытия.

Перед своим последним уходом, в жизни старого-старого отшельника, его душа наконец прозрела. Он увидел пазл своих несчастий и узнал в нем окровавленные осколки того дня на Агоре. Он понял, что боль, которую он сеял с таким упоением, вернулась к нему бумерангом одиночества. Он осознал, что им тогда руководила не сила, а темная, животная жажда власти, затмившая в нем человеческое. Он плакал, молился, пытался искупить. Но кармический долг был слишком велик. Исправить содеянное можно было, только пройдя через боль, которую он когда-то причинил другим.

Сеанс регрессии окончился, но реальность наступала нехотя. Анна медленно открыла глаза, и первым, что она ощутила, была не физическая боль, а гнетущее, леденящее отчуждение от самой себя. Щеки были мокры от слез, а в груди зияла пустота – будто кто-то вывернул наизнанку не старые раны, а саму ее душу, показав ей чужое лицо. Она не «прожила это снова» – ей навязали воспоминания, в которые она отказывалась верить. Боль, которую она сейчас чувствовала, была не болью раскаяния, а агонией насильственного принятия – ее заставили признать в той жестоком палаче свое отражение. В ноздрях все еще стоял терпкий запах оливковых деревьев и пыли, в ушах стоял рев толпы, а перед глазами – шуршание белого гиматия, на котором атели пятна, теперь отпечатавшиеся на ее совести.

– Я... я была им, – выдохнула она, и в этих словах было не просто потрясение, а глубинное, костное узнавание. – Я ненавидел, я убивал... Я получал удовольствие... А теперь... эта невидимая стена с мужчинами, это чувство, что я им что-то должна, что меня наказывают... Это же проклятие. Оно тянулось за мной сквозь века.

Проклятие было не в том, что ее убивали. Его суть была глубже: «Ты уничтожил любовь, и потому недостоем ее. Ты причинял боль, и потому будешь страдать, пока не поймешь ее вкус и не очистишься». Ее нынешние унижения, болезненные отношения, ощущение «долга» – все это было отработкой, попыткой души пройти тот же урок, но уже в роли жертвы.

С помощью специалиста, светлым намерением и прощением тяжелая, многовековая плита сдвинулась. Кармический узел, затянутый много веков назад окровавленными руками человека по имени Иерон, был наконец развязан.

Эта история – суровое напоминание о том, что ничто в нашей судьбе не возникает просто так. Наши страхи, непонятные блоки, повторяющиеся болезненные сценарии – часто это не случайность, а эхо. Эхо наших же собственных поступков, совершенных в прошлых жизнях. Мы сами плетем кармические узоры, которые потом приходится распутывать нашим будущим «Я».

А что, если присмотреться к вашей собственной жизни? К тем повторяющимся ситуациям, что кажутся роковыми? К вашим необъяснимым страхам или, наоборот, неконтролируемым влечениям? Что, если это – не просто игра ума, а тихий шепот вашей собственной, давно забытой, но все еще живой истории, которая просит вас наконец ее исцелить?

Тень твоей любви

Меня зовут Элизабет. Эта история – о последнем дне моей жизни, о том, как всё рухнуло в одно мгновение, когда, казалось бы, оно только начинало обретать истинный смысл.

Наш город, зажатый в объятиях холмов и окутанный утренними туманами, был воплощением спокойного процветания. Мостовые, выложенные булыжником, блестели после недавнего дождя. Фахверковые дома с темными балками теснились вдоль узких улочек, их окна с свинцовыми переплетами смотрели на мир словно старческие, мудрые глаза. Воздух был густым и насыщенным: запах свежеспеченного хлеба из пекарни смешивался с ароматом влажной земли и дымом из труб. На центральной площади кипела жизнь: торговцы с тележками, полными овощей и тканей, горожане в камзолах из простого сукна и платьях из практичного льна, спешащие по своим делам. А над всем этим возвышался наш дом – огромный каменный замок, больше похожий на крепость. Его остроконечные шпили пронзали низкое серое небо, а толстые стены, поросшие плющом, хранили прохладу даже в самый знойный день.

Мне 35, и я была замужем за Карлом – человеком, которого считала воплощением доброты и силы. Его волосы цвета спелой пшеницы и спокойные, ясные глаза могли утихомирить любую бурю в моей душе. У нас было двое сыновей: семилетний Гретель с копной золотых

кудрей и озорными веснушками на носу и пятилетний Йохан, серьезный не по годам, с большими, как у отца, голубыми глазами. В нашем распоряжении была прислуга – тихие, подобострастные люди в серых ливреях, и два ловчих пса, чей громкий лай радостно звучал в предвкушении охоты.

Но моим истинным королевством была не эта каменная громада, а моё аптечное дело. Сеть лавок, разбросанных по городу, приносила не только доход, но и уважение. Люди смотрели на меня с надеждой, когда я, в своих дорогих платьях из бархата и шелка, проходила по рынку, шелестя юбками. А истинное сердце моего предприятия билось в подвале нашего замка – в лаборатории, куда не доносились ни детский смех, ни лай собак. Там, в прохладе, среди жужжания ступок и пестиков, в густом воздухе, пропитанном ароматами сушеных трав, корней и химических реактивов, я творила. Я создавала снадобья, изучала свойства растений, искала панацеи от всех мыслимых хворей. Это было моим призванием, моей страстью.

Карл... Наши отношения были теплыми и доверительными. Я любила его больше жизни, больше самой себя. Даже после почти 15 лет брака мое сердце по-прежнему замирало, когда он входил в комнату. Он был моей опорой, моим тихим причалом. И он никогда, ни разу, не переступал порог моей лаборатории. Я думала, что он просто боится потревожить мое вдохновение или, может, его суеверная натура опасалась этого царства алхимии и науки. Я не настаивала. У каждого из нас был свой мир, и наш общий мир – мир семейного уюта, вечерних чтений у камина и звонкого смеха детей – казался нерушимым. Мы жили в достатке, спокойно и размеренно. Я думала, что так будет всегда.

Тот день начался как самый обычный. Я надела свое любимое бархатное платье густого, как спелая вишня, красного цвета. Его глубокий декольте обрамлял кружевной воротник, а тугие рукава идеально оттеняли белизну моих рук. Волосы, темные как вороново крыло, я убрала в высокую сложную прическу, а губы подчеркнула помадой того же дерзкого оттенка, что и платье. С корзиной для сбора трав я отправилась в лес по знакомой, исхоженной тропинке.

Лес встретил меня пением птиц и игрой солнечных зайчиков на мшистой земле. Воздух был чист и пьянящ. Я вдыхала полной грудью, срывая знакомые стебли и листья, погруженная в свои мысли. И вдруг, на опушке, где тень была особенно густой, я увидела ее.

Она была похожа на саму природу, воплотившуюся в человеческом облике, – высокая, худая, с лицом, испещренным морщинами, похожими на кору старого дуба. Ее платье было сшито из грубой, некрашеной ткани, а волосы цвета пепла спадали свободными, не знавшими гребня прядями. Вся ее внешность дышала спокойствием и казалась воплощением доброты, той самой, что приписывают старым, мудрым дубравам.

Но за этой маской кротости таилась иная сущность. В ее глазах, цвета старого мха, светился немой, древний ум – ум, не знающий сомнений и лишенный жалости. Подобно хищной лиане, обвивающей дерево, ее натура была хитра, зла и полна темных намерений. Она была травницей, одной из тех, кто жил на самой окраине цивилизации, храня не только знания, недоступные городским лекарям, но и тайны, ведущие к гибели.

– Элизабет, – произнесла она, и ее голос был шелестом осенней листвы. Она знала мое имя, и это не удивило меня.

Она предложила мне то, о чем я сама боялась даже подумать: новые, революционные рецепты. Составы невиданной силы. Но был нюанс, темный и манящий.

– Тестировать их можно не в пробирках, не на крысах, – прошептала она, приблизившись так, что я почувствовала запах полыни и влажной земли. – Их сила раскрывается только на людях. Я буду сама отправлять к тебе таких испытуемых. Найду тех, кто отчаянно нуждается, а ты предложи им деньги. Они с радостью согласятся. Ты даруешь им надежду, а они... они даруют тебе знание.

Искушение было подобно удару грома. Это был шанс выйти за рамки, совершить прорыв, сравнимый с открытиями великих алхимиков. Я увидела не просто новые пузырьки на полках своих лавок – я увидела славу, величайшие медицинские трактаты с моим именем. И ведь она была права: я помогала бедным, давала им работу. Это была синергия, взаимовыгодный обмен.

– Я согласна, – сказала я, и слова прозвучали как приговор.

Вернувшись домой, я, как всегда, была встречена вихрем детских объятий. Гретель и Йохан, сияющие, бросились ко мне. Карл стоял поодаль, с своей мягкой улыбкой. Но на сей раз его взгляд на мгновение задержался на моем лице, будто пытаюсь прочесть что-то новое, чужое. Я отмахнулась от этого ощущения, поспешив в свою лабораторию, переполненная вдохновением, мне хотелось поскорее начать свою работу.

С этого дня началось самое интересное. Моя лаборатория преобразилась. Помимо склянок и гербариев, в ней появились массивные деревянные кресла с железными наручниками для рук и ног. Сначала приходили они – бледные, изможденные, с потухшими глазами, в которых заигралась искра надежды при виде золотых монет. Я была вежлива, даже любезна. Я верила в то, что делаю.

Но первые же неудачи показали мне истинную цену открытий. Один из первых добровольцев, старый портной с трясущимися руками, выпил эликсир от чахотки. Сначала он почувствовал облегчение, улыбнулся... а потом его начало рвать черной, вонючей массой. Он кричал, пока его внутренности не превратились в пылающие угли, истекая кровью, которая заливала мой безупречно чистый пол. А самое страшное, что именно в этот момент я испытывала наслаждение, когда казалось бы, должна была остановиться, ведь людям было больно, они умирали. Но договор есть договор, я даю им деньги, они идут на риски.

После неудачи я злилась. Не на себя, а на провал эксперимента и на него. На его слабое, несовершенное тело, которое не выдержало моей гениальной формулы.

Тогда я стала приглашать беременных женщин. Я обещала им средство для лёгких родов и, конечно, деньги, а сама изучала, как в этот момент устроено их тело: как смещаются внутренние органы, как происходит рост плода.

Я постигала самую суть жизни. Под скальпелем и действием новых анестетиков одни замирали в безмолвном шоке, другие исходили криками и кровью. А я с холодным любопытством взидала на таинство, разворачивавшееся в их распоротых утробах.

Мой характер изменился. Если, выходя из подвала, запятнанная кровью и отчаянием, я встречала прислугу, одного взмаха руки было достаточно, чтобы швырнуть несчастную горничную о каменную стену с такой силой, что кости хрустели, как сухие ветки. Страх в их глазах больше не трогал меня. Он лишь подтверждал мою силу.

Карл начал меня бояться. Он избегал моих прикосновений, его взгляд, прежде такой любящий, стал скользить мимо, полный ужаса и недоумения. Он пытался заговаривать, спрашивать, но я отмахивалась, поглощенная своей работой. Во мне не осталось ни капли сожаления. Только одержимость. Люди приходили и уходили, становясь лишь статистикой в моих записях. Их страдания были досадной помехой на пути к Великому Знанию.

Однажды ночью, когда я наконец забылась тяжелым, глубоким сном, в замке раздался грохот. Грубые крики, топот десятков ног. Дверь в наши покои выломали. Сильные, мозолистые руки вырвали меня из постели, не дав даже опомниться. Меня, в одной ночной сорочке схватили и потащили по холодным коридорам. Это была толпа местных жителей с факелами в руках.

И тут я увидела его. Карл. Он стоял в дверном проеме, бледный как полотно, прижимая к себе наших перепуганных, плачущих детей. Его взгляд был пуст. Он не бросился меня защищать. Не вскрикнул. Он просто молча смотрел, как меня уводят. И в этот миг всё сложилось в идеальную, ужасающую картину.

Это был он. Мой Карл, моя любовь, мое дыхание. Он предал меня. Он привел их сюда. Он не смог вынести того, что творилось в подвале, испугался за детей, за себя, и нашел самый простой способ избавиться от чудовища, в которого я превратилась. Он просто... сдал меня.

Меня потащили на центральную площадь, ту самую, где еще недавно на меня смотрели с надеждой. Теперь же лица, искаженные ненавистью, плевались проклятиями. Крики «Убить!» сливались в единый оглушительный рев.

Меня поставили на колени. Деревянные колодки, пахнувшие потом и слезами тысяч преступников, сомкнулись на моих запястьях и лодыжках. Голову зажали в дыбе, заставляя смотреть на толпу. Но я не видела их. Я видела только его. Стоящего на краю площади, с детьми, прячущими лица в его плаще. Его взгляд, полный не любви, не тоски, а чистого, животного ужаса. Невыносимой боли от того, кем я стала.

И мне было так обидно! Я не думала о тех, кого замучила, о тех, кого убила. Я думала только о нем. Как он мог так со мной поступить? После всего, что было между нами! Разве любовь не должна быть выше страха?

Толпа замерла. Пришел палач, огромный, безликий в капюшоне. Взметнулся топор. Я почувствовала не боль, а лишь короткий, страшный толчок по шее. Мир перевернулся, закружился. Последнее, что я увидела, катясь по окровавленным доскам, – это его сапоги. Он не отошел. Он смотрел до конца.

Последняя мысль, холодная и острая, как лезвие, пронзила мой угасающий разум: «Никогда больше. Никогда больше не доверять мужчинам. Никогда не любить. Не чувствовать. Не подпускать близко. Любовь – это слабость, а слабость ведет к предательству».

Прошлая жизнь Элизабет – это не просто история о предательстве, а история о падении и неприятии собственной тьмы. Самым страшным открытием для ее души во время регрессии стало не предательство Карла, а встреча с самой собой – с той версией, которая с холодным любопытством и оправданной жестокостью уничтожала жизни. Для женщины, в новом воплощении ставшей целителем, чья жизнь была посвящена служению, любви и исцелению, это было сокрушительным ударом. Принять и простить в себе ту, от чьих «открытий» люди умирали в муках, оказалось невыносимой задачей.

Именно эта внутренняя рана и породила главный конфликт ее новой жизни. Ее последняя клятва – «никогда больше не доверять, не любить, не подпускать близко» – стала энергетическим шрамом, определившим судьбу нового воплощения. Она боялась по-настоящему любить, видя в любви лишь путь к новой боли и предательству. Она не доверяла мужчинам, проецируя на них вину Карла. Но что еще страшнее – она боялась собственной силы и знаний, видя в них семя того самого монстра, которым стала когда-то. Она помогала людям исцеляться, но держала свою истинную мощь на коротком поводке, опасаясь, что стоит ей раскрыться полностью, и тень прошлого поглотит ее вновь.

Ее нынешняя жизнь – это тихая война между врожденным даром нести свет и кармическим страхом перед собственной силой.

Как вы думаете, что требует большей силы духа: осудить и навсегда отвергнуть ту часть себя, что способна на зло, или найти в себе мужество принять и простить ее, чтобы интегрировать в целостную личность? И может ли страх перед собственной тенью – будь то сила, знание или темное прошлое – стать главной тюрьмой для нашей души, куда более прочной, чем любые внешние обстоятельства?

Последний урок

Воздух ранней осени был прозрачным и прохладным, словно хрусталь. Солнце, только что проснувшееся, золотистыми стрелами пробивалось сквозь ветви деревьев на окраине города, где домишки теснились друг к другу, словно старухи на рынке. Деревянные стены этих домов потемнели от времени и дождей, а ставни, выкрашенные когда-то в яркие цвета, теперь поблекли, но от этого выглядели еще уютнее. Сам городок, затерянный среди холмов, был тихим и сонным, и лишь дымок из труб по утрам говорил о неторопливой, но кипучей жизни.

Я, Эрик, проснулся в шесть утра с замиранием сердца и улыбкой, не способной покинуть мое лицо. Мне всего четырнадцать, и весь мир для меня – это огромная, полная тайн книга, которую я наконец-то научился читать. С самого детства, когда другие дети гоняли мяч, я мог прикосновением руки заставить увядший цветок ненадолго распрямиться или найти потерявшуюся вещь, просто прислушавшись к тихому зову внутри. Магия была не просто умением; она была моим дыханием, музыкой в моей крови.

Полгода назад я встретил его – Мастера Алдориуса. Он жил на отшибе, в каменном доме, поросшем мхом, который стоял особняком, как и его хозяин. Дом был похож на старого, задумчивого стража. Скрипучая дверь, тяжелые полки, уставленные фолиантами с потрескавшимися

корешками, и повсюду – склянки, реторты, пучки сушеных трав, чей горьковато-сладкий аромат навсегда вьелся в стены. Алдориус был высоким, сухощавым мужчиной с седыми волосами, собранными в строгий пучок, и пронзительными глазами цвета грозового неба. В них читалась мудрость веков, и я смотрел на него с обожанием, ловя каждое слово.

Каждое утро я бежал к нему, окрыленный. Я впитывал знания, как губка: учился варить зелья, меняющие оттенок мысли, управлять едва уловимой энергией эфира, слушать шепот стихий. Возвращался я домой затемно, уставший, но бесконечно счастливый, и продолжал экспериментировать уже в своей маленькой комнатке под крышей, где свет луны был моим лучшим помощником.

Но что-то изменилось. Сначала это были лишь тени в его взгляде, когда я слишком быстро справлялся с заданием. Потом – скупые, колкие замечания. А затем его рука, тяжелая и костлявая, впервые со звонким стуком опустилась на мою голову. «Болван! Несмышлениш! – кричал он, и его голос, некогда казавшийся мне голосом самого знания, теперь резал слух. – Ты думаешь, магия – это детская забава?»

От этих слов во мне что-то сжималось, превращаясь в маленький, холодный комок. Окна его дома, прежде манившие меня теплым светом, теперь казались слепыми и враждебными, каждый после таких оскорблений, мои руки опускались. Что я сделал не так? Почему мой свет вызывает в нем такую тьму?

Последняя ссора разразилась в один из тех дней, когда небо затянуто серой пеленой, а ветер воет в щелях дома учителя особо жалобно. Я решил задачу по стабилизации энергетического сгустка – ту, над которой, как он сам говорил, бился в мои годы целый месяц. Я сделал это за три дня.

Вместо похвалы его лицо исказила гримаса, в которой я наконец-то с ужасом разглядел не гнев, а нечто другое, куда более страшное. «Ты хитришь! – прошипел он, хватая меня за запястье так, что кости хрустнули. – Ты пользуешься запрещенными приемами! Ты... ты ничтожество!»

Боль, физическая и душевная, была невыносима. Слезы, горячие и соленые, хлынули из моих глаз. Я вырвался и бросился прочь из его дома, под вой ветра, который теперь казался ему под стать. Во мне кипела не просто обида – она переплавлялась в ярость. Острую, всепоглощающую. Ярость за каждую незаслуженную обиду, за каждую насмешку, за сломанную веру.

«Я докажу ему! – стучало в висках. – Я создам такое, что он падет на колени и будет умолять о прощении. Он должен признать мой талант!»

Дома, в своей комнате, я нашел старый, потаенный рецепт. «Эликсир Истины», гласило название. Он должен был раскрывать всю глубину потенцировавшего. Да, это было идеально. Поддавшись слепой ярости, я в слезах схватил пробирки. Руки дрожали, в глазах стоял туман от слез и гнева. Я не соизмерял, не проверял. Яростное желание доказать свою правоту затмило разум.

В горниле моих эмоций рождалось не зелье просветления, а нечто иное, темное и опасное. В спешке, в ярости, я не заметил, как рука сама дрогнула, и кристаллы дрека мертвого короля, ингредиент, требующий ювелирной дозировки, посыпались в колбу с тройной нормой.

Финал был готов.

Я ворвался в его дом, как ураган. Алдориус дремал в кресле у камина. При моем появлении он вздрогнул и попытался подняться, его лицо исказило отвращение. «Убирайся отсюда, паршивец!»

«Нет! – выкрикнул я, сжимая в руке теплую склянку, внутри которой переливалась маслянистая жидкость. – Выпей! Выпей и убедись, кто я на самом деле!»

Он пытался оттолкнуть меня, но я был силен своим отчаянием. В его глазах мелькнуло что-то – может быть, презрение, а может быть, странное, лихорадочное любопытство. Он с силой выхватил склянку из моих рук и одним глотком опорожнил ее.

То, что произошло дальше, навсегда врезалось в мою память. Его глаза, широко раскрытые, налились кровью. Все его тело затряслось в жестоких конвульсиях, он забился на полу, словно рыба, выброшенная на берег. Из рта вырвалась пена, а из носа хлынула алая струйка крови. Его крик был нечеловеческим – хриплым, полным невыразимой агонии. Потом – тишина. Абсолютная. Он замер, уставясь в потолок стеклянными, ничего не видящими глазами.

Я стоял, не в силах пошевелиться, парализованный ужасом. Я не хотел этого. Я всего лишь хотел, чтобы он увидел меня. Признал. Чтобы в его глазах снова зажегся тот самый огонек одобрения, который когда-то согревал мою душу.

И в этой оглушающей тишине до меня наконец дошло. Прозрение ударило, как обухом по голове. Он не просто злился. Он завидовал. Он, великий Алдориус, дошел до предела своих знаний, а его юный ученик, этот «ничтожный оболтус», легко перешагивал границы, которые для учителя были стеной. Ему было нечего мне больше дать, и это осознание сожгло его изнутри. А моя ярость, моя слепая жажда доказательств, стала тем фитилем, что поднесло огонь к пороху.

Я выбежал из дома, из города, бежал, пока в легких не стало жечь, а ноги не подкосились. Я бежал от своего дара, от своего прошлого, от самого себя. Я поклялся никогда не прикасаться к магии снова, похоронив свои способности глубоко внутри, под грудой страха и вины. Я принял его последние слова как приговор: я – бездарность.

Итак, круг замкнулся, явив мне зеркало, в котором я с ужасом узнала себя. Теперь, в этом теле, в этой жизни, я – женщина, чья наставница вселяет в меня страх и неуверенность. Но я уже проходила этот урок. Я уже была Эриком.

Тот мальчик, что бежал от дома Алдориуса с окровавленными руками и разбитым сердцем, так и не понял главного. Он видел зависть учителя, его ограниченность, но принял это как свой приговор. Он решил, что сила – это проклятие, приносящее лишь боль, и похоронил свой дар глубоко внутри, заковав его в страхе и вине. Он так и остался тем «ничтожеством», каким его назвали, потому что поверил в это.

И вот судьба дала мне второй шанс – пройти это испытание снова, но уже с памятью о той цене, которую платишь за слепую ярость и жажду признания. Моя новая наставница – это отражение Алдориуса, ее страх перед моим ростом – эхо его собственного. Но теперь я вижу этот страх не как грозную силу, а как ее слабость. Ее попытки принизить меня – это не оценка моих способностей, а крик ее души, достигшей своего потолка.

Разве вина учителя, не сумевшего пройти урок смирения, должна навсегда стать тюрьмой для ученика? История Эрика доказала, что да – если ученик сам согласится на эту тюрьму. Но теперь у меня есть знание. И я сделала иной выбор.

Я ушла. Просто собралась и ушла от той наставницы, чьи уроки были отравлены страхом. И это был не побег, как когда-то из дома Алдориуса, а осознанный шаг навстречу свету. Мне потребовалось время, но я нашла других учителей – искренних, мудрых и щедрых духом. Тех, чьи знания были чисты и честны, кто видел в моем даре не угрозу, а потенциал, который нужно бережно раскрывать. Они не обещали легких путей, но они дарили поддержку, а не подножки. Они учили меня слышать не их одобрение, а голос собственной силы, без лишних иллюзий и искажений.

И сейчас, оглядываясь на путь Эрика и свой собственный, я понимаю: боль того мальчика не была напрасной. Она стала моим самым важным уроком. Он заплатил высшую цену, чтобы я, спустя жизнь, смогла просто развернуться и уйти. Чтобы я нашла тех, кто по сей день

помогает мне развиваться, напоминая, что истинный дар раскрывается не в тени чужой зависти, а в свете взаимного уважения и честного пути. Урок усвоен. Тюрьма разрушена.

Как вы считаете, в чем заключается главный урок этой истории: в том, чтобы не поддаваться гневу и гордыне, как Эрик, или в том, чтобы вовремя распознать токсичного человека и уйти, как сделала героиня во второй жизни?

Холодная сделка

Ханна жила на отшибе, в маленьком, всегда сумрачном доме, окружённом чахлым лесом. Её мир был миром тишины, пыльных трав и шепота с тёмными силами. Она не была стара годами, но люди прозвали её «Старой Ханной» – за ту непробиваемую усталость, что навечно поселилась в её глазах. Взгляд её был пустым, будто она давно сделала всё, что должна, и теперь лишь по инерции двигалась дальше. Полная сдержанность, без малейшего выражения чувств. Не показное безразличие, не холод – просто сухое безразличие. Её сердце было наглухо закрыто, будто заковано в чугунные ворота, за которыми – тотальная тьма.

Она никого не подпускала к себе близко, выстроив между собой и миром невидимую, но непреодолимую стену. Общение с людьми сводилось исключительно к обсуждению заказов: сухие формулировки, точные условия, жёсткая договорённость о плате.

К ней приходили не за утешением, а за решением. Женщины, жаждавшие увести чужого мужа, мужчины, мечтавшие о мести, влюблённые, готовые на всё ради объекта своей страсти. И её рекомендовали всем и вся, шёпотом, с оглядкой, но единогласно – ибо результат её работы всегда превосходил ожидания. Он был точен, необратим и ужасающе эффективен.

Ханна никогда не отказывала и не навязывалась. Её нерушимым правилом было: «Без просьбы – нет действия». Она была идеальным, бездушным инструментом в руках чужих страстей.

Она бралась за работу с холодной расчётливостью ремесленника. Ей не было дела до последствий. Если из-за её приворота человек сходил с ума, а из-за проклятия гибла невинная семья – это не волновало Ханну. Она просто делала своё дело. У неё даже был слуга, ее верный помощник – тёмный дух, похожий на тень, с которым она когда-то заключила договор. Единственным подобием чувства, заменявшим ей всё, были деньги. Она копила их, складывая в глиняную кубышку, и подолгу любовалась холодным блеском монет, не ощущая ничего, кроме смутного удовлетворения.

Судьба Старой Ханны – хрестоматийный пример кармического воздаяния. Умерла она не в старости, а в полном одиночестве, в своём холодном доме. Никто не пришёл, не помог, не заметил. Неизвестно, что стало причиной ее смерти – голод, болезнь или её собственная жизненная сила, которую нечем было подпитывать, ибо душа её истлела много лет назад. Она умерла так же холодно и одиноко, как и жила. Глиняная кубышка, туго набитая золотом, лежала рядом, но не могла ни согреть, ни дать утешения, ни отсрочить конец.

Эта история – суровое предостережение о цене добровольного отказа от собственной человечности. Ханна, обладая силой, сама заключила себя в тюрьму безразличия. Она думала, что её правило «без просьбы – нет действия» снимает с неё ответственность, но на самом деле она стала соучастником множества тёмных деяний. Её смерть в одиночестве – не трагедия, а закономерный итог пути, на котором сила была лишённой любви и сострадания. Итог, который напоминает: любая мощь, лишённая сердца, в конечном счёте обращается против своего владельца.

А как вы думаете, в какой момент и почему человек, подобный Ханне, переступает ту невидимую грань, где средство к существованию и личная защита от боли превращаются в полную утрату себя?

Вскрытие реальности

Её звали Аллая. В той жизни, куда затянула память ее души, она была всего лишь девочкой лет четырнадцати, она была хранительницей склепа – повелительницей теней и скальпеля.

Ее царством был подвал, скрытый под холмом, поросшим иссохшей травой. Это была не просто пещера, а гибридный склеп и лаборатория, высеченный из грубого серого камня. Воздух был густым и тяжелым, пахнущим медью, формалином и древней пылью. В центре стояли массивные операционные столы, вытесанные из цельных каменных глыб. Их поверхности были испещрены желобами для стекания жидкостей, давно почерневшими от времени и использования. На полках, вырубленных прямо в стенах, стояли бесчисленные склянки и баночки, где плавало нечто неопознанное, а на крючках висели блестящие стальные инструменты, отбрасывающие зловещие блики в свете чадающих факелов.

Одежда Аллаи была странным противоречием: платье чуть ниже колена из плотной темной ткани, но не лишенное мрачной элегантности. От плеча и до самого подола его разрезали три широкие горизонтальные полосы, отделанные грубой, состаренной кожей. Эти кожаные оборки стягивались тонкими ремешками, создавая жутковатый, но практичный наряд, позволявший свободно двигаться в своей кровавой работе.

Аллая занималась трансплантацией. Она была искусным, хотя и плененным, хирургом, проводившим чудовищные эксперименты по воле своего повелителя.

Звали его Морфей. Он сидел в углу пещеры, на груде каменных обломков. Это было существо, похожее на динозавра, метров трех-четырёх в длину, с вытянутой, как у крокодила, мордой и маленькими бесполезными лапками-культияками. Он не мог двигаться, но его разум был острее любого скальпеля. Сначала он заманил юную Аллаю обещаниями – тайными знаниями, секретами продления жизни. А когда она вкусила запретного плода, он опутал ее паутиной страха, угрожая уничтожить ее семью и всех кого она так сильно любит, кем дорожит. И она работала на него, день за днем, проводя свои ужасные исследования, не потому, что хотела, а потому, что у нее не было выбора. Страх за жизни своих близких был прочнее любых каменных стен ее лаборатории.

Но однажды в ее каменный ад притащили того, кто заставил ее очнуться от кошмарного транса. Это был Лео. Молодой человек с ясными, как летнее небо, глазами и улыбкой, способной растопить лед в ее душе. Лео был для нее не просто возлюбленным; он был олицетворением всего светлого, что осталось в ее мире. Его любовь была тихим пристанищем, теплым лучом, пробивавшимся сквозь толщу камня и ужаса. Она любила его той всепоглощающей, отчаянной силой, которая рождается лишь в полной тьме, когда любая искра света становится смыслом существования. Ради него она готова была вынести что угодно. И именно его, саму причину ее сопротивления, Морфей выбрал для финального акта своего ужасного возрождения.

Тело Морфея угасало. Он приказал Аллае пересадить его сознание – его мозг и его сердце – в тело Лео.

Лео, бледный и обессиленный, сидел привязанный к каменному стулу. Его глаза, полные ужаса и непонимания, смотрели на Аллаю. Она подошла к Морфею, ее руки дрожали, а внутри все сжималось в ледяной ком. Она должна была извлечь суть чудовища.

Мозг... он оказался не твердым органом, а чем-то отвратительно жидким, похожим на густые зеленые сопли, мерцающую слизь, удерживаемую в странной энергетической оболочке. А сердце... оно билось не как плоть, а как некий механизм, сложный часовой механизм из плоти и неизвестного металла.

И в этот миг, глядя на слизь мозга в своих руках и на полные любви и страха глаза Лео, что-то в Аллае сломалось. Сознательный бунт, долго зревший в глубине ее души, вырвался наружу. Ее пальцы разжались.

Чаша с мозгом Морфея полетела вниз и разбилась о каменный пол с тихим, влажным хлопком. Зеленая слизь растеклась по камням, мерцая и пульсируя в агонии.

В последний миг своего существования взгляд Морфея встретился с ее взглядом. Это был не просто взгляд. Это было проклятие, выкованное из всей ненависти умирающего титана. Он пронзил ее, словно ледяной клинок, впиваясь в самую душу, клеймя ее на вечность как предательницу.

Это была не просто угроза, а метка, отпечаток страдания, который она должна была нести через все будущие жизни.

И только спустя несколько воплощений, уже в другой эпохе, это проклятие было наконец снято, и к ней пришло долгожданное осознание. С помощью регрессий в прошлые жизни, которые помогали отгадывать загадки прошлого и находить ответы на мучившие ее вопросы, она увидела истину. Чудовищная форма Морфея и его сущность были результатом древних, забытых экспериментов по скрещиванию различных видов и измерений. Его появление в ее судьбе не было случайностью – то была часть глобальной, тайной договоренности, согласно которой подобные сущности получили право жить среди людей, внедряясь в их общество и самих людей. И, как она с ужасом узнала, именно с того момента, с ее неудачного бунта, они начали медленно, но верно и планомерно внедряться в человеческую природу, процесс, растянувшийся на долгие 7,5 тысяч лет.

История Аллаи – это трагическая повесть о том, как страх может сделать человека орудием в чужих руках. Она была не злодейкой, а жертвой, заложницей обстоятельств, вынужденной совершать ужасные вещи под угрозой гибели самых дорогих людей. Ее работа на сущность по имени Морфей была актом отчаяния, а не злой воли. Но даже в самом густом мраке нашлась сила, способная бросить вызов тирании – любовь. Любовь к Лео была тем светом, который пересилил ее страх. Ценой за этот бунт стало вечное проклятие умирающего чудовища, ставшее тяжелым наследием ее души. Эта история напоминает, что даже у того, кто вынужден служить тьме, может остаться искра света, готовая вспыхнуть пламенем самопожертвования, но последствия такого выбора порой бывают долгими и мучительными.

Страх за близких или гибель своей души? Что бы выбрали вы на месте Аллаи: подчиниться чудовищу, чтобы спасти семью, или восстать, обрекая их на смерть, но сохранив в себе человечность?

Мираж счастья

Город, застывший в камне и тумане, был ее зеркалом. Туман, рождавшийся над холодной рекой, цепко держал в объятиях шпили и крыши, а крики чаек над портом звучали как жалобы неприкаянных душ. Это был город контрастов: зловоние бедных кварталов и благоухание апельсиновых деревьев в садах знати; показное благочестие и шепотки о темных сделках в узких переулках. А над всем этим, на уступе скалы, возвышался ее замок – не приют для прекрасной мечты, а холодная, величественная крепость из темного камня, где каждый камень был куплен за немалую цену.

Ее звали Мариэль. Она была той, о ком шептались за спинами – с восхищением, завистью и страхом. Ее богатство не было наследственным, оно было выковано ее собственными руками, умом и знанием тайн, которые природа скрывает в корнях и травах. Знатные господа и дамы с показным презрением к «деревенскому знахарству» тайком пробирались в ее покои, неся в кошельках золото, а в душах – страх смерти, болезней или нелюбви. Она помогала. И богатыля. Ее замок был монументом ее могущества и ее одиночества.

В тот день на ней было бархатное платье густого, как кровь, красного цвета. Оно оттеняло белизну ее кожи и сияние тяжелых, как спелый колос, золотых волос. Она смотрела на свое

отражение в полированном серебре зеркала – шикарная, желанная, могущественная. И абсолютно пустая. За ее спиной простирались залы, полные дорогих безделушек, но ни один уголок не хранил тепла настоящего дома, ни один предмет не был дорог сердцу. «Я действительно как будто бы счастлива, – думала она, ловя на губах горькую улыбку, – но несчастна».

Судьба, как злая насмешница, преподнесла ей свой дар не в бальном зале и не в покоях знатного вельможи, а на пыльной проселочной дороге. Карета Мариэль замедлила ход, и ее взгляд, скользя за окно, наткнулся на него. Мужчина. Он колот дрова на пороге своего скромного жилища. Мускулы на его спине играли под тонкой рубахой в такт ударам топора, солнце золотило кожу, смуглую от трудов. И вот оно – тот самый, предательский, глухой удар где-то под сердцем. Ёкнуло. Не мысль, не рассудок, а дикая, первобытная страсть, желание и интерес охватили ее с головой. Кто он? Где он? Что он? Это был не просто мужчина – это был мираж счастья, воплощенная в плоти надежда.

С этого дня на нее напало дикое любопытство и интерес, кто же этот мужчина, который смог разбудить ее давно спящее сердце. Она разузнала все. Его звали Алан. Он был джнат. Жил скромно, детей не было. Знакомство было легким – для женщины ее статуса и обаяния нет закрытых дверей. Но дверь в его сердце, как оказалось, была занята другой. Эта простая, скромно одетая женщина, его жена Лиара, смотрела на него глазами, полными тихой, спокойной любви. И этот взгляд обжег Мариэль сильнее пламени.

Разум затмился. Гордая женщина, привыкшая получать все, что пожелает, не могла смириться с отказом. На одной из встреч, под предлогом благодарности за какую-то мелкую услугу, она поднесла ему кубок вина. Вина, в которое было подмешано приворотное зелье, сваренное ею же – густой, темный отвар из корней мандрагоры и лепестков черной розы, пропитанный ее собственной одержимостью. «Люби меня», – шептали капли зелья, попадая в вино. Алан выпил. И ушел.

А потом вернулся. Оставив Лиару, свой дом, свою прежнюю жизнь. Он пришел в замок с пустым, стеклянным взглядом, словно лунатик. Он был с ней, но его не было. Его поцелуи были холодны, его объятия – безжизненны. Но Мариэль закрывала на это глаза. Она добилась своего. А когда узнала, что беременна, восторг ее не знал границ. Это был венец ее победы. Теперь тот мужчина, в которого была влюблена итак желала, навсегда останется с ней.

Однажды, будучи уже на сносях, облаченная в роскошное платье, подчеркивающее ее положение, она велела кучеру ехать в ту самую, ненавистную деревушку. Она вошла в дом Лиары без стука, как хозяйка. Воздух в горнице был густ от запаха трав и горя.

«Он теперь мой, – холодно произнесла Мариэль, положив руку на свой округлившийся живот. – Я ношу его ребенка. Отстань. Забудь его, он никогда не вернется к тебе».

Лиара не кричала. Она молча смотрела на соперницу, и в ее глазах не было ни злобы, ни отчаяния – лишь бездонная, всепоглощающая пустота, в которую ушла вся ее жизнь. А потом она рассмеялась. Тихим, безумным смехом, от которого застыла кровь в жилах. Она не была сильной колдуньей, но у нее была бабка Агата, древняя, как сам лес, знавшая не только травы для исцеления, но и корни для проклятий. И видя, как ее внучка, ее добрая Лиара, медленно сходит с ума от горя, превращаясь в тень самой себя, в сердце старухи закипела ярость.

Агата не стала травить Мариэль ядом. Она приготовила иное зелье. Зелье Правды. Оно не причиняло физической боли. Оно сдирало с души все покровы, все иллюзии, заставляя смотреть на мир и на себя без прикрас.

Иллюзия Мариэль начала рушиться. Алан, все так же находящийся под чарами, был рядом, но его пустой взгляд стал для нее пыткой. Она чувствовала, как внутри нее растет новая жизнь, но вместо радости это начало вызывать ужас. Что она родит? Ребенка любви? Нет. Ребенка наваждения, ребенка, зачатого под действием колдовства. Проклятого ребенка. Безумие, как тихая плесень, стало заполнять стены холодного замка. Лиара бродила по лесу,

разговаривая с призраками. Алан был марионеткой. А Мариэль... Мариэль больше не могла дышать.

В одну из бесконечно долгих ночей, на седьмом месяце беременности, когда тяжесть не только живота, но и собственного поступка стала невыносимой, она поднялась в самую высокую башню.

Она взглянула в темное окно, но не увидела своего отражения. Увидела она лишь пустоту. И поняла, что за эти месяцы безумия не родила ничего, кроме смерти. Смерти чужой любви, смерти своего счастья, смерти невинной души, бившейся у нее под сердцем.

На следующее утро служанка нашла ее. Тело прекрасной блондинки в ночной сорочке безвольно раскачивалось на шелковом шнуре от портьера. Рядом валялся опрокинутый стул. Лицо было искажено не болью, а бесконечным облегчением. Умерла не только она. Умерла и ее нерожденная дочь.

Эта история – горькое свидетельство простой и страшной истины: сердце, скованное цепями колдовства или принуждения, не будет любить. Попытка силой, хитростью или магией заставить другого человека полюбить себя – это не путь к счастью, а дорога в ад, вымощенная страданиями для всех. Любовь, рожденная из наваждения, становится ядом, который отравляет и того, кто пьет его, и того, кто его приготовил, губя по пути все живое. Никого нельзя заставить полюбить. Можно лишь сломать, подчинить, поработить волю, но в руках у тебя останется лишь пустая оболочка, тень человека, глядя в глаза которой, ты увидишь лишь бездну собственного одиночества и отчаяния.

И комок этой невысказанной, непрожитой, искалеченной любви, как тот самый зуб, будет вечно давить на горло, напоминая о цене, которую приходится платить за игру с чужими душами.

Запрос на регрессию в этой жизни был сделан из-за болезни щитовидной железы – многолетнего зоба, уродливого напоминания, которое невозможно скрыть. И теперь становится ясно, что это не просто болезнь. Это – метка, кармическое последствие, проклятие, тянущееся из того прошлого. Проклятие, наложенное болью Лиары и гневом бабки-колдуньи, но в еще большей степени – ее собственным чудовищным поступком, который буквально «встал комом в горле». Щитовидная железа – это центр воли, голоса, права говорить и просить то, что нужно. Мариэль в прошлом воплощении злоупотребила своей волей, заглушила голос совести и «перекрыла горло» чужому счастью, лишив другого права выбора. Ее собственная способность к истинной, здоровой любви была задушена на корню.

Именно этот энергетический комок непрожитой боли, вины и невысказанной правды нашел свое воплощение в физическом теле в виде устойчивой, уродующей опухоли. Он был материальным свидетельством давней трагедии, криком ее души, который она не могла произнести тогда.

Но после сеанса регрессии, когда картина прошлого была не просто увидена, а прочувствована и, наконец, осознана, произошло нечто удивительное. Проклятие, державшееся на неведении, начало терять свою силу. Девушка в настоящем времени наконец-то поняла корень своей болезни. Она простила ту, кем была, и отпустила ту боль. И тело, хранящее память, стало откликаться. Медленно, но верно, оно стало выпускать старый, отравляющий его страх и вину. Началось исцеление. Не потому, что ушел зуб, а потому, что наконец-то обрел голос и был услышан тот давний, загнанный вглубь крик души, который и проявлялся этой болезнью. Осознание прошлого стало ключом к освобождению в настоящем.

«Нельзя заставить полюбить» – главный урок этой истории. А что, по-вашему, можно сделать, столкнувшись с безответной любовью, чтобы не повторить путь Мариэль? Как отличить истинную, самоотверженную любовь от разрушительной одержимости и жажды обладания?

Сестрица Милосердия

Это были тяжелые времена. Середина XIX века. Крымская война. Это была не просто драма армий, тактик и солдат – это была агония человечности, растянутая на долгие месяцы. В те дни слова «лучше бы меня убили» были не фигурой речи, а единственной молитвой, вырвавшейся из пересохших губ. Они были криком души, видевшей, что ждет ее впереди – не быстрая смерть в пылу атаки, а медленное, мучительное сползание в небытие от гангрены, тифа или холеры.

Цифры, холодные и бездушные, говорят красноречивее любых слов. На поле боя пало 23 тысячи солдат союзников и 47 тысяч русских. Но настоящая бездна открывалась за порогом лазаретов. От ран и болезней умерло 24 и 120 тысяч в армиях союзников, и ошеломляющие 40 и 208 тысяч – в русской. Война убивала не свинцом, а гнильстью. Она забирала жизни вчетверо эффективнее в этих адских местах, носивших гордое название «госпитали».

Именно здесь, в дыму горящего Севастополя, зародился феномен, изменивший все. Женщины. Их место было в гостиных, у роялей, в светских беседах. Но не здесь. Не в этом аду. Их появление у постели умирающих было нонсенсом, вызовом, тихой революцией милосердия.

Меня зовут Флоренс. Мое имя теперь – приглушенный стон, шепот утешения, последнее, что слышит солдат, зажимая его окровавленную руку. Я вытаскиваю их с поля, где земля рвана на куски, и приношу сюда, в главный госпиталь.

А госпиталь... это не здание, а преддверие ада, воплощенное в камне и дереве. Воздух густой, тяжелый, пропитанный сладковатым запахом гниющей плоти, хлорки и пота. Он въедается в одежду, в кожу, в самые легкие, и его уже не выветрить. Постоянный хор стонов, бреда, тихих молитв и отрывистых команд врачей – саундтрек к этому безумию. Повсюду – тела. На койках, на соломе прямо на полу, в коридорах. Тела без рук, без ног, с вывернутыми внутрь животами, с пустыми глазницами. Кровь. Ее вездесущность становится нормой; она застывает коричневыми лужами на полу, алыми разводами на моем переднике, ржавыми пятнами под ногтями.

Я была чувственной. Я была эмпатичной. Каждую боль я пропускала через свое сердце, как через сито, оставляя в нем осколки чужих страданий. Я за всех переживала так, что сердце разрывалось в клочья, но каждый раз снова слеплялось воедино – силой одного ласкового слова, одной благодарной слезы в потухшем глазу. «Сестрица, родная...» – этот шепот был моим топливом, моей религией. Я пыталась помочь каждому, кто попадал к нам в госпиталь: кому – перевязать рану, кому – подать воды, кому – просто сесть рядом и держать за руку, пока его не заберет вечный сон. Я верила, что мое маленькое милосердие – это капля, способная растопить лед отчаяния.

Но однажды ад снаружи внезапно ворвался и к нам в гости.

Раздался оглушительный рев, от которого задрожали стены и посыпалась штукатурка. Свист, превращающийся в вой. И потом – удар. Грохот, от которого звенит в ушах и подкашиваются ноги. Снаряд. Он влетел прямо в наше убежище, в нашу последнюю крепость.

В хаосе взрыва, в облаке пыли и щепок, я увидела, как огромная потолочная балка, с треском ломаясь, понеслась вниз. Прямо на меня. Мир замедлился. Я не успела отскочить, не успела вскрикнуть. Глухой, костоломный удар обрушил меня на окровавленные половые доски. Невыносимая боль в ногах и спине, тяжесть, пригвоздившая к земле, и оглушительная тишина в голове, в которую тут же ворвались отдаленные, будто из-под толщи воды, крики.

Я лежала, придавленная этим деревом, этим бременем войны. И в эту секунду физической агонии, глядя в запыленное перекрытие, я не думала о спасении. Во мне родилось нечто страшнее боли. Чувство вины. Острое, всепоглощающее, обжигающее, как каленое железо. Оно пронзило меня, крича: «Теперь ты не сможешь помочь! Никому! Ты лежишь здесь, как бесполезный груз, пока они умирают! Вся твоя работа, вся твоя вера – все это было напрасно!» Оно дополнилось чувством абсолютной, тотальной безысходности. Все, что я делала – все эти бессонные ночи, все перевязки, все утешения – оказалось бесполезным, оказалось напрасно. Я не смогла доделать даже этого. Я не смогла быть их ангелом до конца.

И в этот миг, под тяжестью балки, в пыли и собственной крови, среди нарастающих криков, до которых мне не было дела, мое сердце закрылось. Не просто сжалось от боли. Оно окаменело, превратилось в крепость, которую больше никогда не откроют. Прошлое воплощение моей души, полное сострадания и веры, было раздавлено заживо – не столько балкой, сколько тем ложным, чудовищным чувством вины, что я не смогла стать спасением для всех.

Иногда самое тяжелое ранение – невидимо. И самое прочное тюремное заключение – то, которое мы создаем для собственного сердца. Флоренс выжила, но та, которая верила в силу милосердия, – умерла. Она взяла на себя вину за жестокость войны, которую была не в силах остановить, и за собственную человеческую уязвимость. Ее сердце закрылось, навсегда похоронив под обломками ложной вины ту, что когда-то думала, что одной каплей сострадания можно изменить кровавый океан войны.

Прошлое воплощение ее души, воплощение сострадания, навсегда осталось под завалами того госпиталя, закрыв ее сердце для новой жизни.

А что вы думаете? Может ли одна неудача, одно горькое разочарование, навсегда похоронить в нас того, кем мы когда-то были? Или где-то в глубине, под слоями боли, тот светлый человек все еще ждет своего часа?

Обет молчания сердца

Меня зовут Ревье. Мой мир с детства был выстроен из четких, негнущихся линий. С одной стороны – стерильная белизна больницы, где царил мой отец-хирург. Воздух там всегда пахнет антисептиком и холодным металлом, а каждый звук – щелчок выключателя, скрип двери – отточен и функционален. Отец, высокий и прямой, как скальпель, говорил тихо, но его слова врезались в память, как сталь. Его мир был миром логики, где каждая проблема имела решение, а каждая ошибка оставляла шрам.

С другой стороны – приглушенный, неумолимый гул католической школы, где учила мать. Там пахло воском для паркета и старыми книгами. Ее доброта была строгой, а вера – такой же незыблемой, как гранитные стены собора. Ее мир был миром служения, где главным инструментом была не игла, а молитва.

Неудивительно, что свой путь я искала на стыке этих двух начал. Медицинский институт стал законной, ожидаемой станцией на моем маршруте. Я стала той самой Ревье – собранной, умной, с идеально зачесанными волосами и взглядом, устремленным в будущее, где я видела себя таким же точным инструментом в руках науки.

Но внутри, под этой гладкой оболочкой, тлел другой огонь. Вера моя не была сухой догмой. Она была живой, горячей, как кровь в жилах. Я находила ее не в учебниках по теологии, а в беседах с сестрами из приюта при монастыре. Они были другими. Их руки, шершавые от работы, были нежны, когда они гладили головы сирот. Их Бог был не судьей, а Творцом, любовью, тихим светом в сердце. Сестра Агата, с лицом, изборожденным морщинами, похожими на карту прожитой жизни, говорила мне: «Дитя мое, Бог – это не тот, кого боятся. Это тот, к кому идут, когда больше идти не к кому».

И я почувствовала зов. Не к спасительным уколам и скальпелям, а к чему-то вечному, к тому тихому свету. Шок в глазах отца, когда я объявила о своем решении, был похож на внезапную физическую боль. Мать плакала беззвучно, ее строгий мир дал трещину. Но все это было лишь далеким эхом перед громогласной, оглушительной тишиной моего призвания.

Я ушла из медицинского института, словно корабль, нашедший наконец свой истинный север, я направилась прочь от берегов привычного мира.

Монастырь в который я ушла находился в горах, он стал моим небом и моей крепостью. Дорога к нему вилась серпантинном, и с каждым витком мир внизу казался все более чужим и незначительным. Воздух здесь был холодным и острым, как лезвие, и таким чистым, что им казалось невозможно наддышаться.

Наши кельи были высечены прямо в скале. Грубый камень под ногами, прохлада, что проникала сквозь тонкую рясу даже летом, и тишина... не мертвая, а живая, наполненная шепотом молитв и далеким завыванием ветра в ущельях. Этот ритм – молитва, труд, аскеза – стал биением моего сердца. Я научилась находить красоту в суровости: в том, как луч закатного солнца падает на шершавую стену, в аромате свежее испеченного хлеба из нашей пекарни, в усталой сладости, разливающейся по телу после долгого дня физического труда.

Мы, монахи и монахини, здесь были одной семьей. Брат Иов, седая борода которого казалась такой же древней, как горы, и чей смех был похож на раскаты грома. Сестра Клара, хрупкая, как птичка, с невероятной силой в тонких пальцах, вышивающая лики святых. Мы были братьями и сестрами, объединенными общим горением.

И был он. Адам.

Он появился не сразу, возможно, поначалу я просто его не замечала. Сначала я просто заметила его руки. Руки не простого монаха, а рабочего – широкие в костяшках, с прожилками, сильные. Он отвечал за кузницу, и по утрам оттуда доносился мерный, убаюкивающий стук молота. Он был молчалив, и его тишина была не пустой, а глубокой, как горное озеро. Глаза его, цвета темного ореха, всегда казались немного устремленными внутрь себя.

Я думала, что нашла совершенный покой. Но однажды, проходя мимо кузницы, я застала его в момент отдыха. Он сидел на камне, его спина, обычно прямая, была согнута, а взгляд был обращен на долину внизу. И на его лице я увидела не отрешенность святого, а человеческую, живую тоску. Такую знакомую. И мое сердце, привыкшее биться только для Бога, сделало неправильный, лишний удар.

Это не была вспышка. Нет. Это было тихое, непрошеное семя, которое кто-то посеял глубоко внутри и которое начало прорасти сквозь каменистую почву моих обетов. Оно пускало корни, становилось сильнее, и от этого становилось только страшнее.

Стыд сжигал меня изнутри, как раскаленные угли. Я ловила себя на том, что ищу его в толпе во время общей молитвы. Сердце замирало, стоило мне услышать знакомый тяжелый шаг в каменном коридоре. Я дала клятву! Я отреклась от этой части человеческого бытия. Каждая мысль о нем была предательством. Похожим на сладкий, отравленный мед.

И самое ужасное случилось – мои чувства нашли отклик. Однажды вечером в саду, где мы собирали травы, наши пальцы случайно соприкоснулись над пучком мяты. Электрический разряд прошел от кончиков пальцев до самых пяток. Он не отдернул руку. Он поднял на меня

взгляд, и в его обычно спокойных глазах бушевала буря. В них я прочла тот же страх, ту же борьбу и то же непреодолимое влечение.

«Прости», – прошептал он, и его голос, низкий и хриплый, показался мне самым прекрасным звуком на земле.

Под страхом изгнания, в тени ночных коридоров и затаенных взглядов, расцвела наша тайна. Украденные моменты были глотками самого чистого, самого опьяняющего нектара. Краткие встречи в библиотеке за толстыми фолиантами, где его плечо на секунду касалось моего. Быстрый, полный значения взгляд во время трапезы. Однажды он сунул мне в руку крошечную железную розу, выкованную им в кузнице. Она была грубой и совершенной одновременно. Я прятала ее под подушкой, и она жгла меня по ночам.

Каждая такая встреча зажигала во мне внутреннее солнце. Оно светило так ярко, что улыбка не сходила с моего лица даже в часы самой строгой молитвы. Адам, всегда такой сдержанный, расцветал рядом со мной. Его улыбка была редким и потому бесценным даром. Кажется, мы открыли любовь, какой не бывало ни у кого, – запретную, святую и оттого еще более жгучую.

Мы любили друг друга всем сердцем, а по ночам тайно встречаясь строили хрупкие замки из песка на берегу нашего общего завтра. Решили, что через год, мы оставим рясы. Я уйду в больницу, он – вернется к ремеслу своего отца. Мы шептали об этом будущем в прохладе вечернего сада, и эти слова были для нас самой сокровенной молитвой, более желанной, чем Царствие Небесное.

Мы были так осторожны. Мы были так счастливы. Мы думали, что тень не догонит нас, пока мы идем к свету.

Но мы ошибались.

Однажды мир не просто рухнул – его разорвали на части. Это случилось глубокой ночью. Двери нашей кельи распахнулись с грохотом, вломились чужие, злые голоса. Тени с факелами, искажавшие до ужаса знакомые лица братьев. Руки, грубые и безжалостные, схватили меня. Я не кричала, во мне был только леденящий ужас.

Нас потащили в сырую подземную церковь, туда, где воздух всегда пахнет сыростью, страхом и ладаном. Отблески факелов плясали на лицах строгих святых, делая их гримасы демоническими. В центре, на каменных плитах, уже стоял Адам. Его лицо было бледным, но спокойным. Двое мужчин силой поставили его на колени.

Я вырвалась и бросила на него последний взгляд. И увидела в его глазах не страх. Я увидела бездонную, вселенскую жалость. Ко мне. Он знал, что будет. И он прощал меня.

«За предательство обета! За осквернение святого места!» – прозвучал голос настоятеля, холодный, как лед.

И потом... потом было движение лезвия. Отблеск стали в свете факела. Быстрое, точное, хирургическое движение. Но не для спасения жизни.

Тишину разорвал нечеловеческий звук. Мой собственный крик. Крик раненого зверя, у которого вырвали еще бьющееся сердце из груди. Боль была настолько физической, что мир померк, поплыл красками ужаса. Я смотрела, как жизнь, мой смысл, моя тайная радость, растекается темной, неумолимой лужей по холодным каменным плитам. В голове стучал лишь один вопрос, обращенный в пустоту, к Богу, который позволил этому случиться: «ЗА ЧТО?»

В тот миг, когда его дыхание остановилось, во мне что-то умерло. Не только вера в Бога, Который позволил этому случиться. Умерла сама способность любить, доверять, чувствовать. Я дала себе новый, последний обет, скрепленный не рвением, а пеплом: никогда. Никогда больше не подпустить к себе эту боль. Никогда не позволить сердцу открыться.

От любви отказались – та, что была дарована небом, и та, что была рождена на земле. От всего этого я отказалась сама.

И осталась одна. С пустотой внутри, которая гудела тише, чем любая молитва, и была холоднее самых суровых горных ветров. Ветер снаружи выл, оплакивая его. А во мне была лишь тишина. Могильная тишина.

Эта история – о том, как суровый фанатизм уничтожает живое чувство. Стремление к высокой духовности обернулось трагедией: физической смертью для одного и духовной – для другого. Финал показывает, что самый страшный обет – не монашеский, а добровольное умерщвление собственного сердца, чтобы больше никогда не чувствовать боли. Пустота внутри героини стала её вечной тюрьмой.

Итог регрессионной сессии для Ревье

Сегодняшняя Ревье, прикоснулась к источнику одной из самых глубоких и болезненных ран своей души. Ее запрос о страхе чувств, любви и холодном, рациональном выборе мужчин нашел свой корень не в этой жизни, а в опыте из прошлой жизни, полном трагической любви и невыносимой боли.

Девушка увидела себя монахиней, которая, выросшая в мире строгих правил (логики отца-хирурга и догм матери), всей душой устремила к живой, сердечной вере. В монастыре она обрела не только покой, но и встретила свою настоящую, запретную любовь – Адама. Эта любовь была настолько глубокой и настоящей, что они рискнули всем, строя планы на совместное будущее.

Однако финал этой истории стал роковым для ее умения любить так глубоко и искренне. Жестокая казнь Адама на ее глазах, совершенная во имя догмы и обета, стала актом не только физического, но и эмоционального убийства. В тот миг, когда его жизнь угасла, ее сердце, чтобы больше никогда не страдать, дало себе новый, главный обет: никогда больше не любить, никогда больше не подпускать к себе эту боль.

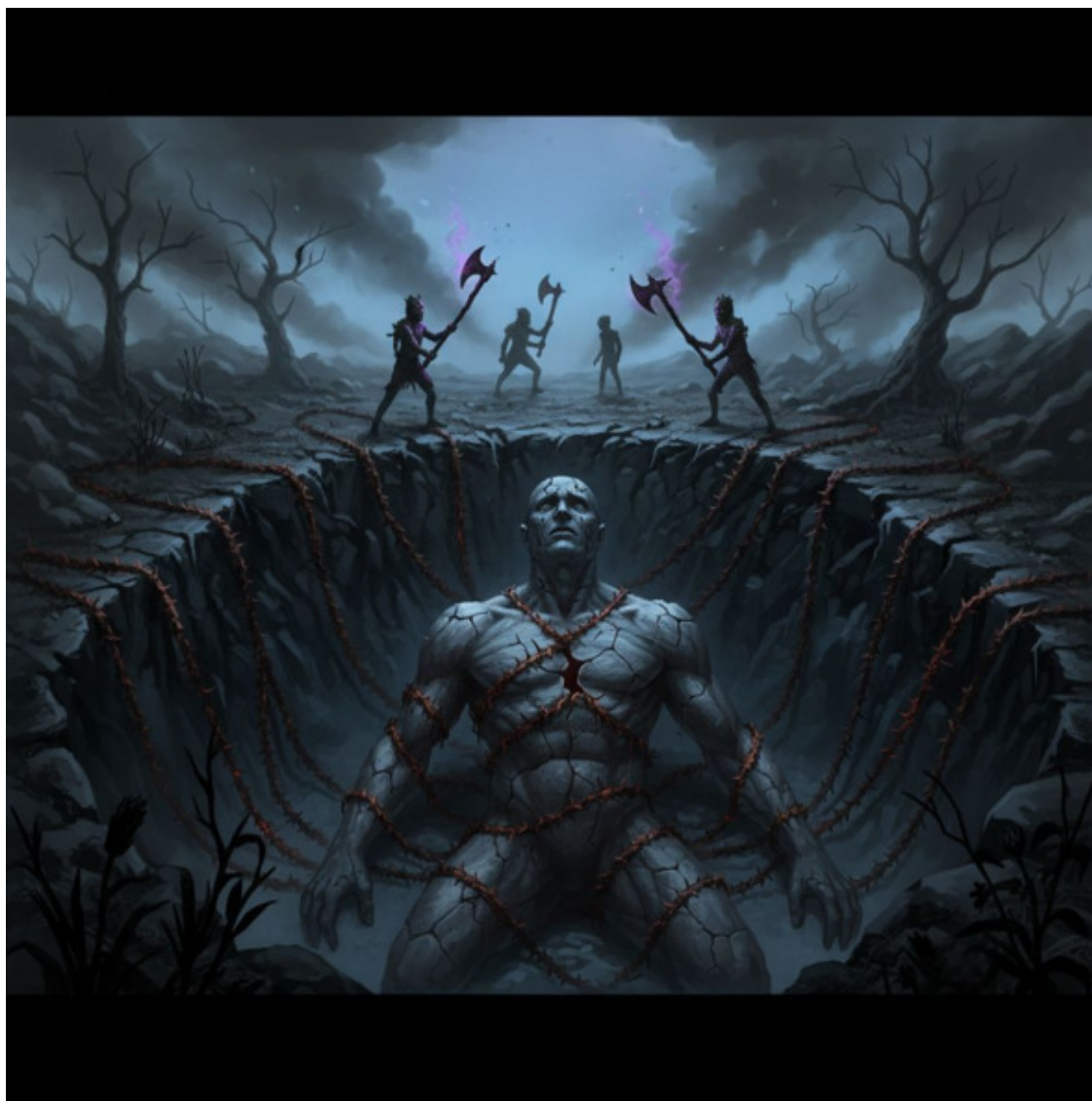
Именно этот древний, выжженный болью обет и управлял нынешней жизнью. Ее «рациональный и холодный» выбор мужчин – это не ее природа. Это мощнейший защитный механизм, щит, который ее душа создала столетия назад, чтобы выжить. Она боится идти в отношения с глубокими чувствами, потому что ее душа, ее подсознание помнит: настоящая, страстная любовь ведет к невыносимой, смертельной утрате. Твоя душа до сих пор кричит от той боли, которую ты вновь прожила сегодня.

Проблема оказалась – не в отсутствии способности любить, а в древнем, оправданном страхе перед последствиями этой любви. Девушка не холодна по своей сути; напротив, ее душа способна на такую глубину чувств, что когда-то это привело к величайшей трагедии. И ее «вечная тюрьма пустоты» – это не приговор, а старая рана, которая, наконец, была извлечена на свет для исцеления.

Осознание этого – первый и самый главный шаг к освобождению. Теперь она знает, откуда растет ее страх. И теперь может начать мягко и с состраданием к себе доказывать своей душе, что в этой жизни любовь не всегда ведет к гибели, что можно любить и быть в безопасности. Теперь она может отпустить тот обет, который когда-то спас ее, но сейчас он не нужен и лишь мешает жить полной жизнью.

Что сильнее: любовь, которая заставляет нас нарушать обеты, или боль, которая заставляет нас давать новые?

Каменное Сердце Земли

В те времена, когда мир был юн и дышал полной грудью, сама Земля звучала волшебной симфонией. Воздух был кристально чистым и густым, как нектар, наполненным ароматами невиданных трав и сладковатым запахом озона после грозы. Энергии, струящиеся по жилам планеты, были широкими, глубокими и невероятно мощными – прозрачными реками света, которые можно было не только чувствовать, но и почти видеть. Осязать гармонию мироздания.

В этом мире жил Арагон. Он был добрым великаном, чье тело, казалось, было высечено из скал самой Земли. Его кожа напоминала потрескавшуюся от солнца глину, а волосы – спутанную гриву горных потоков. Но сила его была не в мышцах, а в невероятной, чувствительности и пронзительной связи с планетой. Он не работал с землей – он с ней взаимодействовал, как дирижер с оркестром.

Его инструментом был кристалл, величиной с его ладонь, именуемый Сердцевиком. В спокойном состоянии он был просто мутным куском минерала. Но когда Арагон брал его в руки, сосредотачивался и начинал тихо напевать древние, лишённые слов мелодии, кристалл вспыхивал изнутри. Излучая вибрации, подобные колокольному звону, Арагон слушал Землю и слышал её вибрации. Он чувствовал малейшие искажения в её песне – где-то сжалась болью

тектоническая плита, где-то застоялась, отравленная горечью, вода в подземном озере. И он гармонизировал пространство, направляя целительные потоки энергии, убирая шероховатости с полотна реальности. Для него это было сродни дыханию – естественно и необходимо.

Рядом, в долинах, жили люди. Не такие, как ныне. Они были меньше, но не карликами – скорее, ростом ему по колено. Арагон наблюдал за ними со спокойной отстраненностью, как смотрят на суетливых муравьев. Он видел их страх, их суету, но также и искры любопытства в их глазах.

Однажды к подножию его холма пришла группа людей. Во главе их стоял старейшина по имени Килян, лицо которого было изборождено морщинами, словно высохшая речная дельта.

– О, Великий! – крикнул он, и голос его был тонок, как писк мыши. – Наше селение поразил странный недуг. Земля вокруг него мертва, воздух тяжел и ядовит. Наши дети слабеют. Мы слышали, что ты можешь исцелять саму плоть планеты. Помогите нам!

В глазах Арагона не было ни доброты, ни злобы. Была открытость. Жажда жизни Земли была и его жаждой. Искажение её гармонии – его болью. Он кивнул, его огромное сердце отозвалось на зов.

Его привели к месту, которое было похоже на шрам. Трава была серой и ломкой, деревья стояли голыми, черными когтями, впившимися в небо. Но что-то было не так. Арагон не чувствовал здесь боли Земли. Он чувствовал... пустоту. Искусственную, насильственную пустоту.

Прежде чем он успел понять это, земля ушла у него из-под ног. С оглушительным грохотом он провалился в глубокую яму, на дне которой торчали заостренные колья. Не физическая ловушка была страшна – страшно было предательство. Сверху на него полетели сети, сплетенные не из пеньки, а из темных, пропитанных страхом и ненавистью волокон, которые жгли его кожу и глушили его связь с энергиями.

Он лежал на дне ямы, и в его глазах плескалось непонимание. Не боль от падения, а леденящая душу недосказанность. За что? Почему? Я пришел помочь.

Сверху на краю ямы возникли силуэты. Но это были не те люди, что звали его. Их глаза холодным, чуждым светом, а в руках они держали топоры, от которых исходила мерзкая вибрация, заглушающая песню мира.

– Его сила должна быть нашей! – прошипел один из них, и голос его звучал как скрежет металла по камню.

И началась расправа. Топоры, не способные убить его одним ударом, методично, с жестокой расчетливостью, разрубали его тело на части. Арагон не кричал от физической боли. Он смотрел в небо, в безупречную лазурь, которую он так любил, и в его последнем вздохе был не страх, а все то же невыносимое, разрывающее душу недоумение. Что такого я сделал? Я лишь хотел гармонии...

Его огромное сердце разорвалось пополам, не от стали, а от осознания, что в мире, который он считал единым и цельным, нашлось место такому чудовищному, бессмысленному злу.

Эта история – не просто воспоминание о жестокой смерти. Это отпечаток первого столкновения чистой, созидательной силы с черной дырой человеческой алчности и коварства. Арагон стал жертвой не потому, что был слаб, а потому, что был чист и не мог даже представить себе подобного подвоха. Его трагедия учит нас, что даже самая великая сила без понимания природы тьмы, что таится в сердцах, уязвима. И что иногда самое страшное оружие – не клинок, а предательство, пришедшее под маской мольбы о помощи. Его наследие – это напоминание: гармонию нужно не только создавать, но и защищать, ибо там, где есть свет, всегда найдется тот, кто захочет его поглотить.

Как возможно зло в гармоничном мире, и почему чистота и доброта так уязвимы перед лицом коварства?

Рай, который стал тюрьмой

Представьте, что можно не просто вспомнить, а заново пережить самое яркое чувство в своей душе. Не его бледную тень, не отголосок, а саму суть, квинтэссенцию. Именно за этим я пришла на регрессию. В тихий кабинет, пахнувший ладаном и тишиной, я принесла единственный, но ненасытный вопрос: «Покажи мне воплощение, где я испытала самую сильную, всепоглощающую любовь между Мужчиной и Женщиной. Ту, что становится синонимом бытия».

И Вселенная ответила.

Меня погрузили в прошлое, и первым, что я ощутила, было не зрение, а ветер. Горячий, соленый, напоенный ароматом горных трав и кипарисов. Греция. Около восьмого века до нашей эры. Имя пришло само, как легкий выдох: «Айла». Оно означало «Свет». А рядом с ним – другое имя, которое было моим домом, моим воздухом и моей молитвой: Аскол.

Мы были на вершине горы, два юных тела, отточенных солнцем и ветром, прекрасных в своей наготе, как изваяния богов, что вот-вот оживут. Я – с водопадом белых волос, перехваченных простой кожей. Он – с черными кудрями, падающими на упрямый лоб. Мы смеялись, и наш смех был единственной музыкой, достойной этого неба. Мы были двумя частями одного

целого, двумя нотами, слившимися в совершенный аккорд. Мы сбежали вниз, к подножию, где в бирюзовое небо впивался храм с могучими белоснежными колоннами – немой свидетель нашей любви.

А потом была наша комната-веранда, открытая всему миру и в то же время бывшая лишь нашим миром. Огромная кровать, покрытая мягкой шкурой. Здесь мы не просто любили друг друга. Здесь мы совершали священный ритуал слияния. Я, наблюдая со стороны, видела, как наши тела сплетались в танце, знакомом вечности. А потом я растворялась в нем, теряя границы. Нас захватывал энергетический вихрь, и я чувствовала, как из темени, сердца и лона выходят три луча – золотых, пульсирующих, живых. Они пронзали его, обволакивали, напитывали, сплетая наши души в единый, неразрывный клубок света. В финале этого божественного акта его семя было не просто извержением, а нектаром, который мое лоно пило с благоговением, как чашу жизни. Я, здесь, в настоящем, на кушетке регрессолога, физически ощущала эхо того наслаждения – всепоглощающего, райского.

Спустя пять лет. Я стояла в том же доме, и из моей груди на соске выступила капля молока – белая и чистая, как наше чувство. Я взяла на руки нашего кудрявого сына, прижала его к себе, и блаженство разливалось по всему моему телу. Передав его няне, я устремлялась назад, к Асколу. Он возмужал, в его руках теперь часто было копье, но для нас оно было лишь символом силы, а не убийства. Наша любовь стала только ярче, сочнее, глубже. И я знала: после этого родится дочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.